

Библиография

Современник о современниках

Об этой книге, как слышно, толков множество. Естественно, потому что книга замечательная. Не только по мастерству (такие главы, как например «Шалапин» или «Третий Толстой» — подлинные шедевры мемуарно-литературных характеристик), но прежде всего по некоей удивительной внутренней свободе и цельности суждения — чертам, нашей современностью почти утраченным. — Суждений спорных, скажут мне. Но это уже другой вопрос...

Споры вызывает главным образом открывающая «Воспоминания» глава «Автобиографические заметки».

Что ж, если бы автор писал очерки русской литературы начала века — было бы, верно, очень грустно очутиться в представленной в этой главе галлерее уродцев. Но автор передает свои впечатления от встреч и знакомств, явно не желая подвергать их нейтрализующему влиянию академической беспристрастности. «Великий современник» рассказывает о современниках же. Без поправки на историю и учебники литературы.

Позволю себе сравнение. В сороковом году я ездил в Ленинград к своей тетке — писательнице М.-Н., очень древней, жившей в здравнице для престарелых ученых. С нею и со вдовой писателя Г. просидел вечер за чаем. Говорили о Некрасове, Тургеневе, Достоевском. Для меня прежде всего классиках, для них прежде всего — знакомых. Спросил я о Льве Толстом. «Весьма неприятный был человек — сказали обе решительно, — очень неприятный». Последовал рассказ интереснейший, из которого в самом деле выходило, что встречи обеих с Толстым должны были оставить у них воспоминания именно неприятные. Но о Толстом как авторе «Войны и мира» речи не было.

Так вот и со многим в «Воспоминаниях» Бунина. В. Брюсов, «лающий в дудкообразный нос»... Я помню Брюсова, когда он

И. А. БУНИН. ВОСПОМИНАНИЯ. Книгоиздательство «Возрождение», Париж, 1951.

был руководителем семинара по Пушкину в московском Институте Слова, и он тогда не лалял, а говорил весьма негромко, мяукающим голосом. Маяковский с «корытообразным» ртом, «извилистыми жабыми губами». Здесь мои впечатления с авторскими совпадают. Маяковского я знал. В быту для многих этот высокоодаренный поэт оказывался хамом невыносимым...

Блестящий и пародийный портрет К. Бальмонта, который «всю свою жизнь поистине изнемогал от самовлюбленности». Критически оценить не могу — я Бальмонта никогда не видел; он для меня — автор двух-трех прекрасных и множества ничего не говорящих мне стихотворений. О том, как «нещадно били его — и не раз — лондонские полицейские», прочел с интересом, но это никак не изменило моего отношения к нему, как к поэту.

Вообще вряд ли можно накладывать портрет биографический на литературный облик художника. Художник шире своей жизни, и сколько литературных ореолов потускнело бы, если бы их пытались корректировать бытом! Автор делает кое-когда такие попытки, я как читатель — нет.

Подробнее — об этом, то есть о собственно критических оценках в книге. Тут спорное налицо. Наряду с изумительно тонким разбором творческих приемов Куприна, производится, например, развенчание А. Блока. Естественно, что реалист Бунин не приемлет «нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому непонятных литературно выдуманных символических, мистических стихов». Что ж возразить против этого неприятия? К нему надо очень прислушаться (в наши дни так много подрифмованного сумбура выдается за стихи!), но это неприятие не вычеркивает же замечательную главу «символизм — из истории русской поэзии. Равным образом и реально-критический комментарий к обрванной системе символизма, намеренно, как известно, пренебрегающего логически-

предметными нормами, не лишает же эту систему поэтической ценности и обаяния.

«Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча»...

«Не совсем кстати... пунцовая родинка, — ведь не такой уж изысканный ценитель женских прелестей был Петруха!» — замечает А. И. Бунин (стр. 220).

Замечание явно притянута за волосы: органически такого рода ассоциация вряд ли возникает при чтении «Двенадцати» и поэтического образа, стало быть, не нарушает.

«Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет польнь.
Спит черемуха в белой накидке.
Сад колышет, как пенный пожар.
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый рожал
От щемящего слова «милый»...

Предисловие, искажающее поэта

Очень многих, вероятно, обрадовало это издание стихов поэта, творческое наследие которого на нашей родине опечатано партийно-полицейским надзором.

Подбор «избранного» довольно хорош, хотя и есть досадные пропуски (опущена, например, такая знаменательная для творчества С. Есенина «Русь советская», еще — «Мир таинственный, мир мой древний» и некоторые другие стихи из позднейших).

В упрек редактору следует поставить и вступительную статью, в части критической весьма маловразумительную. Эпизоды мемуарные рассказаны мастерски, но они скорее мешают, чем помогают читателю представить себе поэтический облик С. Есенина в целом: все это, главным образом, эпизоды ранние. Суждения же и оценки таковы:

«По размеру своего дарования» С. Есенин «не только не Пушкин, но и не Некрасов и не Фет». Оставив в стороне два первых наивных сопоставления, скажу лишь, что поэтическое дарование (не поэтическая культура!) Есенина, по всей вероятности, значительно выше фетовского.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. СТИХОТВОРЕНИЯ. Под редакцией и со вступительной статьей Георгия Иванова. Книгоиздательство «Возрождение», Париж, 1950 г.

Вот и эти строфы С. Есенина (правда, далеко не лучшие его строфы) останутся подлинной, чистой воды поэзией, несмотря на приведенный А. И. Буниным натуралистический комментарий.

Вообще же оценка есенинского творчества вызвала наибольшее количество возражений. Повидимому, справедливых: есть поэтические судьбы и явления, для характеристики которых эгоцентрических впечатлений и отталкивания недостаточно.

Впрочем, если бы Бунин написал бы что-либо «о светлой памяти С. Есенина»... Да нет, своеобразие книги в том и заключается, что представить себе таких строк в ней нельзя.

Книга же, повторяю, очень хороша. — Чудесный такой мостик, переброшенный из современности в прошлое нашей литературы одним из замечательнейших ее мастеров.

Л. Р.

«Самым совершенным», что создал Есенин «за всю свою жизнь», является, по мнению автора вступительной статьи, написанная в 1918 году поэма «Инония». — Почему?

Надо отдать справедливость Г. Иванову — он стремится порой и к объективности критического суждения. На стр. 21 читаем: «...лиа любви к Есенину сходятся и шестнадцатилетняя «невеста Есенина», комсомолка, и пятидесятилетний... белогвардеец. То есть сходятся на русской поэзии, то есть на поэзии вообще. — То есть на том, суть чего Жуковский когда-то так хорошо определил:

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли»...

Бог в святых мечтах... то есть противолядие против безбожия, диамата, рабства тела, растления душ... т. е., в конечном счете, антибольшевизм!»

Сказанное справедливо, т. е. совершенно верно определяет притягательную силу и значение поэзии С. Есенина в наши дни. Но вот, наряду с этим, встречаем и такое обобщение:

«Есенин — типичный представитель (и здесь «представитель», как в советских учебниках, — поистине «les extrêmes se touchent!» Л. Р.) своего народа и своего